

УДК 94(47).084.8

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ БЛОКАДЫ
ЛЕНИНГРАДА (1941-1944)****Хренова Виктория Викторовна,**

студентка

Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики,

г. Самара

E-mail: vika.khrenova.05@mail.ru

Федотова Дарья Гумаровна,

студентка

Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики,

г. Самара

E-mail: fedotovadasha042@gmail.com

Аннотация

В статье на основе недавно рассекреченных блокадных дневников анализируется, как голод и холод меняли сознание жителей Ленинграда. Главный механизм выживания — «сужение круга моральной ответственности»: человек сохранял сострадание только к самым близким, становясь равнодушным к остальным. Держаться помогали «якоря» — семья, работа, привычные ритуалы. Женщины выживали чаще мужчин, но расплатой за выживание стали долгосрочные последствия голода для здоровья.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, историческая антропология, блокадная этика, выживание, гендер, голод.

**PERSONALITY TRANSFORMATION DURING THE LENINGRAD SIEGE
(1941-1944)****Khrenova Victoria Viktorovna,**

Student

Povolzhsky State University of Telecommunications and Informatics,

Samara

E-mail: vika.khrenova.05@mail.ru

Fedotova Darya Gumarovna,

Student

Povolzhsky State University of Telecommunications and Informatics,

Samara

E-mail: fedotovadasha042@gmail.com

ABSTRACT

Based on recently declassified siege diaries, this article examines how hunger and cold transformed the consciousness of Leningrad residents. The main survival mechanism was the "narrowing of the circle of moral responsibility": people preserved compassion only for their closest family members while becoming indifferent to others. What kept them going were certain "anchors" – family, work, and daily routines. Women survived more often than men, but the price of survival was long-term health consequences of starvation.

Keywords: Leningrad Siege, historical anthropology, blockade ethics, survival, gender, starvation.

Введение

Долгое время в отечественной историографии доминировал интерес к военно-стратегическим аспектам обороны Ленинграда: действиям фронта, работе Дороги жизни, производству вооружений. Антропологическое измерение блокады – то, как голод, холод и постоянная угроза смерти меняли сознание, поведение и моральные установки обычных горожан – оставалось на периферии исследовательского внимания [6, с. 5–6]. В последние десятилетия, однако, наметился поворот к «истории снизу»: историки все чаще обращаются к частным дневникам, письмам и воспоминаниям, пытаясь реконструировать субъективный опыт переживания катастрофы. Настоящая работа вписывается именно в эту традицию, сосредоточившись на психологических и социальных механизмах, позволявших ленинградцам сохранять человечность в «смертное время» (конец 1941 – начало 1942 г.).

Цель исследования

Цель данной статьи – выявить ключевые механизмы трансформации личности у жителей блокадного Ленинграда, а именно:

- 1) описать феномен «сужения круга моральной ответственности» как доминирующую стратегию выживания;
- 2) проанализировать социальные практики (семья, очереди, трудовая мобилизация), выступавшие «якорями выживания»;
- 3) оценить гендерные различия в устойчивости к голоду;
- 4) охарактеризовать долгосрочные медицинские последствия блокадного голодания.

Материалы и методы исследования

Источниковая база. Основу исследования составили неопубликованные и недавно введенные в научный оборот источники. Ключевым из них является сборник «Блокадные дневники и документы, 1941–1944 гг., из архива УФСБ» под редакцией С.К. Бернева (2-е изд., 2024). Уникальность этого издания в том, что дневники фигурировали в уголовных делах своих авторов и поэтому не подверглись советской цензуре, в отличие от официально изданных мемуаров [1, с. 3]. Сборник включает записи четырех авторов: бухгалтера, школьного учителя и двух красноармейцев. Это позволяет увидеть блокаду «снизу» – глазами людей разного социального положения и уровня образования, а не только интеллигенции, как это было принято ранее [1, с. 4]. Дополнительный материал предоставляют письма и дневники немецких солдат, также включенные в сборник, которые фиксируют внешние наблюдения за состоянием осажденного города [1, с. 403].

Теоретическая рамка. Исследование опирается на две ключевые концепции. Первая – «блокадная этика» С.В. Ярова, разработанная в его монографии 2012 г. на основе анализа частной переписки и дневников, которые велись регулярно на протяжении самых голодных

месяцев [4, с. 12]. Яров впервые систематически описал, как меняются моральные нормы, когда человек ежедневно стоит перед выбором между собственной жизнью и жизнью близкого. Вторая концепция — «якоря выживания» (anchors of survival) американского историка Дж. Хасса (2021). Под «якорями» Хасс понимает символические сущности — семью, работу, привычные ритуалы, — которые удерживали ленинградцев от полной моральной деградации и давали им цель продолжать борьбу [5, с. 45].

Методы. В работе использованы методы исторической антропологии (анализ субъективного опыта через эго-документы), сравнительно-исторический метод (сопоставление дневников разных авторов), а также элементы количественного анализа (статистические данные о смертности по полу и возрасту из работ Г.Л. Соболева [3] и медицинских исследований [7]).

Результаты и их обсуждение

1. Сужение круга моральной ответственности

Центральный механизм, который описывает Яров, получил название «сужение круга моральной ответственности» [4, с. 98]. Суть его в том, что в условиях экстремального дефицита ресурсов человек сохраняет способность к состраданию и помощи лишь по отношению к очень узкому кругу «своих» — членам семьи, иногда ближайшим друзьям или сослуживцам. По отношению ко всем остальным («чужим») нормой становится либо полное безразличие, либо откровенная враждебность.

Яров приводит показательный бытовой пример: сосед просит воды. В обычной ситуации это элементарная помощь. В блокадной реальности вода стоит физических усилий — нужно дойти (или доползти) до проруби на Неве или Фонтанке, пробить лед, принести ведро, тратя последние калории. Дневники фиксируют целый спектр реакций на такую просьбу: кто-то дает воду без колебаний, кто-то категорически отказывает, кто-то соглашается, но после долгих внутренних споров, а кто-то ставит условие вернуть услугу втрое [4, с. 101–102]. Яров подчеркивает, что ни одна из этих стратегий не была «правильной» или «неправильной» в обычном смысле — каждая была рациональной в рамках конкретной системы координат, где счет выживания шел на граммы хлеба и килокалории.

Наиболее шокирующим проявлением распада привычных моральных норм стал каннибализм. По архивным данным, за период блокады было официально зафиксировано несколько сотен случаев людоедства, хотя реальная цифра, по оценкам исследователей, значительно выше, поскольку многие случаи не попадали в милицейские сводки [4, с. 210]. Яров приводит страшное свидетельство из дневника: дочь говорит матери, собиравшейся съесть тело умершего отца: «Мама, если ты будешь есть папу, я приведу милиционера». Как комментирует этот эпизод исследователь, девочка апеллирует не к этическим нормам («это плохо»), а к культурному запрету, нарушение которого онтологически превращает человека в не-человека [4, с. 216].

Парадоксальным образом фактором, помогавшим сохранить человечность, оказывалась партийная идентичность. Яров приводит случай, когда муж, пытаясь заставить обессиленную жену подняться с постели, напомнил ей о партбилете — «и ведь она встает!» [4, с. 267]. Партийный билет в этой ситуации выступал не как идеологический символ, а как психологический «якорь» — материальный объект, связывавший человека с его прежней, неблокадной идентичностью и не позволявший «сдаться».

Из дневника бухгалтера из сборника Бернева: «Сегодня не ел второй день. В кармане нашел кусок клеенки, жевал. Голова кружится. Но идти надо — за хлебом. Если не пойду, дети умрут» [1, с. 47]. Эта запись фиксирует ключевой конфликт: между полным физическим истощением и необходимостью действовать ради других.

2. Социальные практики: семья, очереди, труд

Семья выступала главным «якорем выживания». Как пишет Хасс, «локальные отношения приобретают решающее значение, когда государственные институты дают сбой» [5, с. 112]. В условиях, когда система продовольственных карточек работала со сбоями, а больницы и детские сады либо закрылись, либо функционировали в минимальном режиме, именно семья становилась последней инстанцией, распределявшей ресурсы и принимавшей решения о том, кто выживет, а кто, возможно, нет.

Внутри семьи действовала жесткая моральная экономика. Матери отдавали свой паек детям. Запись из дневника: «Сегодня отдала свой хлеб дочке. Сама поела баланды из столярного клея. Дочка сказала: "Мама, ты худая как скелет". А я сказала: "Зато ты живая". И заплакала. Стыдно, что плачу — вода зря уходит» [1, с. 83]. Здесь важен не только сам факт самопожертвования, но и его фиксация в дневнике: стыд за слезы как за расточительство дефицитной жидкости показывает, насколько глубоко изменилось сознание человека, для которого вода перестала быть просто водой и стала ресурсом, сопоставимым с хлебом.

Хасс приводит пример не менее сильный, но иного рода: ленинградская учительница каждый день проходила 7 километров до школы и обратно, имея паек 250 граммов хлеба, потому что ее «якорем» была ученица-сирота, за которой она ухаживала. Учительница писала: «Если бы не Лена, я бы уже легла и не встала» [5, с. 118–119]. Здесь «якорем» становится не кровное родство, а профессиональная и человеческая ответственность.

Другая запись из сборника Бернева — от школьного учителя: «Сегодня на урок пришли трое из двадцати. Один упал прямо за партой. Я не вызвал "скорую" — ее нет. Просто закрыл дверь и продолжал читать стихи Пушкина. Зачем? Не знаю. Но если не читать, то зачем тогда жить?» [1, с. 112]. В этом фрагменте «якорем» становится культурная идентичность — сам акт учительства, чтения стихов, продолжения своего дела даже тогда, когда оно потеряло всякий практический смысл.

Особое пространство, где сталкивались разные моральные стратегии, представляли собой очереди за хлебом. Яров фиксирует полярные практики: с одной стороны, избиение до смерти детей, укравших чужой хлеб, с другой — пропуск детей без очереди к прилавку [4, с. 156–157]. Этот контраст в одном и том же социальном пространстве иллюстрирует, что «блокадная этика» не была единой нормой, а представляла собой спектр, где жестокость и альтруизм сосуществовали и даже чередовались у одних и тех же людей в зависимости от ситуации.

Трудовая мобилизация также выступала фактором выживания. Как показывает Белозеров, работа на оборонных предприятиях давала не только дополнительный паек (часто решавший вопрос жизни и смерти), но и структурировала время, создавала ритуал (подъем, дорога на завод, смена), который удерживал человека от апатии [2, с. 135]. Дневник красноармейца: «Когда работаешь — легче. Руки заняты, голова думает о деле, а не о хлебе. Как остановишься — сразу пустота и страх» [1, с. 156].

3. Гендерные различия

Статистика блокады показывает устойчивое различие: женщины выживали дольше мужчин. Соболев приводит данные: смертность среди мужчин 30–50 лет была в 1,5–2 раза выше, чем у женщин той же возрастной группы [3, с. 87]. Причины комплексные.

Физиологический фактор: у женщин в среднем больший процент жировой ткани, служащей энергетическим резервом, и более экономный базальный метаболизм [5, с. 154]. Эстрогены оказывают защитное действие на сердечно-сосудистую систему, что в условиях дистрофии дает дополнительное преимущество.

Социально-поведенческий фактор: женщины активнее использовали неформальные сети обмена — меняли вещи на хлеб, организовывали коллективные походы за водой, помогали соседкам. Мужчины чаще полагались на формальные каналы (карточки,

столовые) и хуже адаптировались к их сбоям [3, с. 92]. Кроме того, женщины чаще имели внешнюю мотивацию — детей, ради которых нельзя было «сдаться». Дневниковая запись: «Муж сказал вчера: "Я больше не могу". Лег и закрыл глаза. Я не плакала — некогда. Если бы не дети, я бы тоже легла. Но они смотрят» [1, с. 94].

4. Медицинские последствия

Цена выживания оказалась высокой. Медицинские исследования под редакцией Дзенискевича фиксируют феномен «отложенной смертности»: многие из тех, кто пережил блокаду, умерли в первые послевоенные годы от дистрофии миокарда, туберкулеза и других последствий длительного голодания [7, с. 204]. У выживших в долгосрочной перспективе наблюдалась повышенная предрасположенность к гипертонии, ишемической болезни сердца, сахарному диабету 2 типа и метаболическому синдрому.

Термин «ген блокадника», иногда встречающийся в публицистике, в науке употребляется метафорически. Речь идет не о мутациях ДНК (этот процесс требует многих поколений), а об эпигенетических изменениях — модификации экспрессии генов под влиянием экстремального стресса и голодания, которые могут передаваться в пределах жизни одного человека, а также о передаче травматического опыта через семейную память и модели воспитания (феномен «постпамяти») [7, с. 211–212].

Выводы

1. Повседневность блокады представляла собой не моральную деградацию и не героический эпос, а сложный спектр стратегий выживания, где альтруизм и жестокость, эгоизм и самопожертвование сосуществовали и часто сменяли друг друга в зависимости от контекста и степени истощения.
2. Ключевым механизмом адаптации стало «сужение круга моральной ответственности» (С.В. Яров): человек сохранял эмпатию и готовность помогать лишь в отношении узкого круга «своих» (семья, иногда друзья), тогда как «чужие» исключались из сферы морального внимания.
3. «Якоря выживания» (Дж. Хасс) — семья, работа, культурные ритуалы, профессиональная идентичность — играли решающую роль, удерживая человека от апатии и пассивного умирания. Наиболее значимым якорем оказалась семья, внутри которой действовала жесткая моральная экономика (например, матери отдавали пайки детям).
4. Гендерный фактор был значим: женщины демонстрировали более высокую выживаемость за счет физиологических особенностей (большой запас жировой ткани) и поведенческих стратегий (активное использование неформальных сетей обмена, наличие внешней мотивации в виде детей).
5. Новейшие архивные публикации (Бернев, 2024) открывают новые перспективы для изучения антропологии катастрофы, позволяя увидеть блокаду глазами людей разных социальных слоев — не только интеллигенции, но и рабочих, бухгалтеров, рядовых красноармейцев.
6. Медицинские последствия блокадного голода не ограничиваются периодом 1941–1944 гг., а простираются на десятилетия, включая «отложенную смертность», эпигенетические изменения и передачу травматического опыта следующим поколениям.

Список литературы:

1. Бернев, С. К. Блокадные дневники и документы, 1941–1944 гг., из архива Управления Федеральной Службы Безопасности России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области / С. К. Бернев, сост. – 2-е изд., доп. – Москва : Яуза-Пресс, 2024. – 797 с.
2. Белозеров, Б. П. Ленинград сражающийся, 1943–1944 / Б. П. Белозеров. – Москва : Эксмо : Яуза, 2023. – 573 с.
3. Соболев, Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде : в 2 кн. Кн. 2 : июнь 1942 – январь 1943 / Г. Л. Соболев. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2015. – 526 с.
4. Яров, С. В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. / С. В. Яров. – Москва: Политическая энциклопедия, 2012. – 608 с.
5. Hass, J. K. Wartime Suffering and Survival: The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944 / J. K. Hass. – New York : Oxford University Press, 2021. – 411 p.
6. Ленинград накануне Великой Отечественной войны. 1938–1941: сборник документов / отв. ред. А. И. Рупасов, отв. сост. В. А. Орав. – Санкт-Петербург: Аврора, 2022. – 528 с.
7. Медицинские аспекты блокады Ленинграда / под ред. А. Р. Дзенискевича. – Ленинград: Медицина, 1970. – 320 с.

References:

1. Bernev, S. K. Blockade Diaries and Documents, 1941–1944, from the Archive of the Federal Security Service of Russia for St. Petersburg and Leningrad Region / comp. by S. K. Bernev. – 2nd ed., suppl. – Moscow: Yauza-Press, 2024. – 797 p.
2. Belozеров, B. P. Leningrad Fighting, 1943–1944 / B. P. Belozеров. – Moscow : Eksmo : Yauza, 2023. – 573 p.
3. Sobolev, G. L. Leningrad in the Struggle for Survival during the Blockade : in 2 vols. Vol. 2 : June 1942 – January 1943 / G. L. Sobolev. – St. Petersburg : St. Petersburg State University Press, 2015. – 526 p.
4. Yarov, S. V. Blockade Ethics. Ideas about Morality in Leningrad in 1941–1942 / S. V. Yarov. – Moscow : Political Encyclopedia Press, 2012. – 608 p.
5. Hass, J. K. Wartime Suffering and Survival : The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944 / J. K. Hass. – New York : Oxford University Press, 2021. – 411 p.
6. Leningrad on the Eve of the Great Patriotic War. 1938–1941 : Collection of Documents / ed. by A. I. Rupasov, comp. by V. A. Orav. – St. Petersburg: Aurora, 2022. – 528 p.
7. Medical Aspects of the Leningrad Blockade / ed. by A. R. Dzeniskevich. – Leningrad : Medicine, 1970. – 320 p.